

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Initiative Sozialistisches Forum
Контрреволюция против Израиля
2009

Скопировано 13.12.2023 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=2967>

Перевод с немецкого. Из: ISF, «Das Konzept Materialismus»,
2009

ru.anarchistlibraries.net

Контрреволюция против Израиля

Initiative Sozialistisches Forum

2009

***

*«Ситуация еврея такова, что всё, что он делает,
обращается против него».*

- Жан-Поль Сартр, 1945

*«Согласно фашистскому мышлению евреи не
имею права ни оставаться там, где они
есть, ни иметь возможности создать соб-
ственную нацию. Альтернативной является
уничтожение».*

- Теодор В. Адорно, 1950

*«Сегодня больше нет антисемитов, все всего
лишь понимают арабов».*

- Фридрих Дюрренматт, 1976

***

Сионизм есть ничто иное как последняя буржуазная революция современности. Теодор Герцль, чей труд по философии государства и права под названием «Еврейское государство» сделала эту революцию в 1896 году вообще мыслимой, подобно тому, как «Общественный договор» Жан-Жака Руссо в 1762-м сделал возможной французскую, а Давид Бен Гурион, израильский Ленин, являют собой ничто иное как еврейскую версию великих буржуазных революционеров вроде Максимилиана Робеспьера, Сен-Жюста и Дантона. Однако, революция, тем более буржуазная – это не детский утренник, и ценой провозглашения прав человека были гильотина и революционный террор, и, в конце концов, наполеоновские войны против феодально-абсолютистских сил, отказывавшихся принять принцип Нового времени, «Code civil», т.е. обобществление по принципу сделавшихся субъектами индивидов под надзором капиталистического суверена. Дабы гарантировать телесную неприкосновенность, необходимо было казнить короля. В 1789-м году феодальному обществу пришлось уступить место принципу «egalite, liberte и fraternite», а Карл Маркс, который без труда оклеветал это движение как прогресс в сторону «infanterie, kavallerie и artillerie», в то же время признал, что лишь так история человечества приобрела своё специфическое предназначение — разумность. Лишь революционное насилие придало (человеческому) роду отличное от зоологического предназначение. Тем самым буржуазная революция содержала в себе зерно своего совершенно «иного», коммунизма как свободной ассоциации. И в том заключалась диалектика Просвещения, что буржуазия пыталась саботировать прогресс разума за пределы капиталистического обобщения, чтобы превратить провозглашение прав человека в обычное естественное право, а тем самым в антропологию всеобщей конкуренции. Но в 1789-м году этот принцип был атакой на подчи-

нение человека клерикальным и феодальным властям, т.е. собственно формальным началом истории человеческого рода. А всякая великая революция, заслуживающая своего имени, находит и свою контрреволюцию, свою Вендею. Вендея сионистов называется Палестиной, а ancien regime, блок из попов, крестьян и верных королю аристократов, намеревавшийся преградить якобинцам путь, зовётся сегодня PLO, «Исламский джихад», ХАМАС и Хизболла, а кроме того, чтобы заправить исламофашизм по-европейски, щепотка постмодерна, мультикультурализма и левобуржуазного пацифизма.

Несчастьем сионизма было то, что его революция могла быть только несвоевременной, но кроме того – что она являет собой буржуазную революцию евреев. Не ясно, что для Израиля обладает более разрушительным эффектом. Т.к. революция сионистов произошла в то время, когда Запад уже давно не только отказался от программы Просвещения, но и в ходе всеобщего кризиса капитала 1929-го года и в форме Германии как «чёрной дыры» капиталистического обобществления радикализовался до того, что стилизировал евреев до «антирасы» и непосредственного антипринципа человечества, чтобы затем в бреду сначала дискриминировать их как воплощение «накопительского капитала», затем преследовать, и, в конце концов, убить их. В форме антисемитизма Германия отозвала прокламацию прав человека. Она сделала это ввиду антисемитизма не только как воплощения экономических, но и политических бредовых представлений: ведь антисемитизм стремился не только к экономическому благоденствию народного коллектива, но и к государству целого народа, к национальному самоопределению гомогенного в себе убийственного коллектива, т.е. к идентичности немцев как расы, как злокачественной природы. Эта попытка при помощи объявления евреев врагами не только присвоить

немцам загадку капиталистической продуктивности как их изначальной собственности, т.е. одновременно поглотить и переварить причину того, что суверенная монополия на насилие функционирует, что система приказов и повиновения является столь же неоспоримой, сколь спонтанной, что готовность к жертве и, прежде всего, к убийству становится первой, воплощённой природой человека. Это и было смыслом Нюрнбергских законов: всякое условие, которое якобы определяло, что должно считаться еврейским, было одновременно с этим и попыткой сконструировать «немецкое» и воплотить его в суверене. Фашизм нацистов уничтожал евреев, дабы создать народный коллектив, т.е., в конечном итоге: снять буржуазное общество, из экономического краха которого он произошёл, в некоем подобии государства-муравейника. В этом смысле Гитлер был первым джихадистом, а мудрый наблюдатель вроде Уинстона Черчилля мог ответить на вопрос, чем является книга «Моя борьба», что она служит «новым Кораном» для немцев.

Посему евреи были вынуждены продумать и практиковать проблематику буржуазной революции в полнейшей абстракции, с такой картезианской страстью и ясностью, каковая до тех пор не была возможна, даже в 1789-м году. «Самозмансипация», о которой Лев Пинскер писал ещё в 1882-м, была возможна только как политика Мюнхгаузена, не как производная, но только лишь как самообоснование. То, в чём страждущая государственности толпа усматривает у сионистов неопишущую низость, например, лозунг «Земля без народа для народа» точно описывает эту ситуацию. В этом квинтэссенция сионистской революции: в Палестине не было ни государства, ни центральной монополии на насилие, которые можно было бы захватить и присвоить себе, как это сделали французские революционеры. Не было и чётко ограниченной территории, жителей

евреев в Европе, мы смогли бы уберечь их от уничтожения» (Давид Бен Гурион, 1947).

которой можно было бы превратить в население или даже в «народ». Не было общества как во Франции, способ производства которого в какой-либо форме указывал бы на капитализм. То, что существовало в Палестине, было властью Османской империи, т.е. общественной системой азиатской деспотии и азиатского способа производства, при котором, в исламском халифате (по которому до сих пор плачет ХАМАС), царило безусловное единство мирской и религиозной власти, и при котором индивид, как феллах, в отличие от европейского крестьянина не обладал частной собственностью на землю и почву, являясь бесправным арендатором. Феллах подчинялся муллам и муфтиям как ни один крестьянин не подчинялся своим попам. В Палестине не было «народа», не было массы людей в какой-либо форме квалифицированной для превращения в государственный материал, а только мусульманские государственные рабы. В этом деспотическом обществе еврейские иммигранты инаугурировались в процессе «первоначального накопления» капитала и одновременно первоначальной централизации политического насилия. Пролетарии всех стран, которые не могли воспринимать статус буржуа иначе как свободу, привели *ex nihilo* «автоматический субъект» (Маркс) в действие вместе с причитающейся ему государственной властью.

Порядочные граждане ненавидят сионизм за то, что он в своей несвоевременности демонстрирует те огромные человеческие затраты, которые были у их собственного, давно уже благородно забытого процесса становления государственности 16-17 веков. Кому захотелось бы, например, изучить 24-ю главу первого тома Марксова «Капитала» о «Так называемом первоначальном накоплении», тот без труда узнает в ней экономический процесс становления сионизма — с той только разницей, что британские лишены остались в стране и могли ездить на заработки в

Ливерпуль и Манчестер. Никому сегодня не приходит в голову сомневаться по этой причине в легитимности британской государственности, в то время как то же самое в случае с Израилем должно показывать «искусственность» израильской «конструкции» и его недостаточную «укоренённость в земле», откуда и происходят чистосердечно агрессивные разговоры о «праве Израиля на существование». Но идеология, что государству необходимо быть «органическим» и корениться в народе подобно тыкве на навозной куче является реакционной даже тогда, когда она иногда исходит от так называемых «новых историков» Израиля и утверждает: де, существует «естественное право палестинцев на национальный суверенитет и независимость» (Илан Паппе). Естественное право на государственность, однако – это идея, о которой при халифах не могло быть и речи, и в той империи не было никаких «палестинцев», которые могли бы подойти на роль субъектов какой-либо государственности, а только арабы, жившие в местности Палестины подобно жителям Обераммергау в своём захолустье; и, в конце концов, естественное право простирается лишь на столько, на сколько государство как его общественная инкарнация находит повиновение. Что воображают такие «новые историки», чьё понимание государства в лучшем случае достигает социал-демократического уровня, демонстрируют многочисленные примеры, на которые хватает их ограниченного ума. Так, в «Этнической чистке Палестины» у Илона Паппе говорится, что сионизм, пока он озеленял пустыни, сделал сознательный «выбор против естественной флоры Палестины» и таким образом «в лесах по всему Израилю произрастает лишь 11% местных видов растений». Но есть ещё надежда, ибо «время от времени местной флоре неожиданно удаётся снова утвердиться». Деревья тоже участвуют в интифаде.

дружит с немцами, во врагах больше не нуждается: начала она с фантазии о «совершённом от имени немцев массовом убийстве» и завершила тем, что «Шоа наполняет нас немцев стыдом». Так, уничтожение было не делом тесно сплочённого до убийственного коллектива буржуазного общества немцев, чьё революционное искупление всё ещё заставляет себя ждать, нет. Гитлер был, якобы, неверным прокурисом, совершившим «от имени немцев» нечто, что вызывает у нас глубокое отвращение. Кнессет принял это бесстыдство к сведению, ничего иного не оставалось – ведь в Израиле достаточно хорошо разбираются в реальных импульсах немецкого коллективного чувства. В Тель-Авиве тоже читают «Süddeutsche Zeitung» и тоже в курсе, о чём думают немцы, когда они думают. Например, по поводу организованного ХАМАС прорыва из сектора Газы, «который для палестинцев был чем-то, чем является для немцев 9-е ноября», причём понятно само собой какое «9-е ноября» под этим подразумевается.

Правда, как водится, лежит не посередине. Ибо у евреев, как 14-го мая 1947-го года заявил Андрей Громько от имени Советского Союза перед Генеральным собранием ООН, много смертельных врагов, но очень мало малодушных друзей: «Опыт прошлого ... показал, что ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого его существования от насилий со стороны гитлеровцев и их союзников». Раздел Палестины, приведший спустя год к израильской независимости, порвал с идеологией «исторически устоявшихся прав». Он признал сионизм как революционное выражение идеи, что в истории всё ещё существует разум, даже если эта история печальна: «Если бы государство Израиль было основано в 1937-м и переняло контроль над иммиграцией и защиту

токолам сионских мудрецов», что понятие фашизма он сводит к «Эрец-Израэль» и «колониализму поселенцев». Когда затем Халед Машаль, один из предводителей ХАМАС, считает, что «израильские действия в Газе — это настоящий Холокост», то, согласно лекалам лево-немецкой науки о фашизме, это служит простительно морализаторской метафорой. Если речь заходит о том, чтобы провозгласить уничтожение Израиля высшей и заключительной стадией социальной революции, тогда выбивает все предохранители напрочь, как недавно, когда на смерть начальника марксистско-ленинистского «Народного фронта освобождения Палестины» (PFLP) Жоржа Хабаша левый швейцарский еженедельник WoZ писал: «Палестинский Че Гевара». Что не удивительно, ведь его целью было «освобождение всей исторической Палестины, включая Израиль»; а печально известная (газета) «junge Welt» рискнула под заголовком «Жизнь за свободу» тиснуть совершенно безумное предложение: «Для палестинцев убеждённый марксист и интернационалист был патриотом». До того момента, когда Ахмадинежада за его лозунг «Смерть Израилю!» назовут «Теодором В. Адорно мулл», осталось совсем немного.

В то время как левые так усердно работают над культом национально-социальных коллективов и обнаруживают истинных евреев в образе «палестинцев», центристы-государственники давно заметили, каким образом можно получить выгоду от евреев и Израиля в историческо-политическом плане. Лучше всего это удаётся в Кнессете. Там можно удобнее всего эксплуатировать отчаяние Израиля из-за не желающей заканчиваться борьбы против интернациональной контрреволюции. Два года тому назад президент ФРГ уже объяснял евреям, что «ответственность за Шоа является частью немецкой идентичности», т.е. отличным клеем для коллектива, и за это он благодарен. Теперь и Ангела Меркель подтвердила тезис, что кто

Израиль, с одной стороны, должен терпеть упреки в «искусственности», т.к. его история без всякого исторического камуфляжа и фольклора выражает характер буржуазной государственности, а с другой стороны, в той же самой полемике должно воспеваться истинно народное государство как некое органическое образование, которое, супротив всяческой еврейской «заносчивости», должно корениться в народе. Тут антисемитизм обладает невероятным преимуществом, рассматривая власть везде, где она не исходит от евреев, как терапевтическое мероприятие и самореализацию. Так поступил, например, иранский президент Ахмадинежад, когда он сообщил Джорджу В. Бушу: «Я считаю, что создание нового государства с новым народом является новым феноменом, уникальным для нашего времени». Он совершенно прав в своей оценке «феномена Израиль», но это доказывает не порочность «сионистского режима», а общественное принуждение Израиля к несвоевременности, вынужденное положение, заключающееся в том, что буржуазные общества Запада, в особенности германское, уже давно совершившие своё предательство Просвещения, заключают пакты с мусульманами, для которых даже святая инквизиция была бы уже прогрессом на пути к просвещению.

Контрреволюция против Израиля, с намеренным слабоумием эксплуатирующая историческую судьбу евреев, состоит из множества фракций, не только из исламофашистской, чьей самой явной характерной маской служит иранский президент. Если ещё где-то есть плюрализм, то он царит именно тут, и рынок возможностей внести свою лепту в ненависть к Израилю невероятен, прежде всего среди леваков. Когда Марксистско-ленинистская платформа Германской коммунистической партии выпускает брошюру под названием «Сионизм — враг народов», состоящую в основном из цитат покойного маоиста-сталиниста

Энвера Ходжи, – «Израиль подобен пистолету среди арабских народов...», то это ещё может обладать какими-то комедийными качествами. Но когда этот кружок фольклористов, проклинающий Израиль как «плацдарм империализма», объединяется с членами «Левой партии» вроде Нормана Пеха, борющимися за «право народов», то становится уже неуютно. Когда же банда «анти-антинемцев», а среди них «один социолог из Фрайбурга», пишущий для лево-народной газетки «junge Welt», выступает за «эмансипационный антисионизм» и «важное и дискуссионное различие между антисемитизмом и легитимной критикой Израиля», становится жутковато. Распоясавшийся фетиш государственности, действующий здесь, является «парадоксальным образом социалистическим в виду своей враждебности к Израилю», как заметил философ Михаэль Ландман в 1971-м году в своей книге «Das Israelpseudos der Pseudolinken», и – если бы этот сорт левых получал от этого «какую-то выгоду, то они могли бы, в случае чего, завтра перевернуться от социализма к антропософии». Тем временем эзотерику они уже оставили позади и перешли к «Протоколам сионских мудрецов».

Ибо тонкие различия между антисемитизмом и антисионизмом происходят из арсенала пропаганды. Каждый, даже если он не понимает вообще ничего, должен понимать, что антисемитизм представлял лишь экономические мотивы в узком смысле этого слова, т.е. на самом деле: рационализацию ненависти к евреям, в то время как антисионизм со времени выступления Гитлера на пивном путче в августе 1920-го года собирает скорее политически-государственные доводы. Антисионизм с самого начала, как логически, так и исторически, является той формой ненависти к евреям, которая отделяет в государстве бездушное «механическое» от чувственного «органического», как антисемитизм в узком смысле отделяет в капитале

спекуляцию от накопления. Поэтому Альфред Розенберг, главный идеолог национал-социализма, писал трактаты наподобие «Враждебный государству сионизм» (1943 г.), т.к. ему непреодолимо хотелось доказать, что евреи не способны к государственности потому, что они не способны к труду. Ибо «сущности беспринципного, упрямого, национально и наднационально связанного паразитического еврейского народа» хватает только на сионизм, а он, в свою очередь, служит «в лучшем случае беспомощной попыткой неспособного к продуктивным свершениям народа ... создать себе новый плацдарм для разграбления мира» и, как бы то ни было, «для изгнания и уничтожения арабов». Так был основан исторический союз нацистского и исламского фашизма, а как это было возможно, можно почитать в трудах Исламского центрального института в Берлине: «Это государство ... кинжал в сердце арабской родины», и нужно радоваться, как говорил Иерусалимский муфтий в 1943-м году, что Германия решила «найти финальное решение для еврейской опасности».

Отделение антисемитизма от антисионизма, насколько бы оно ни было необоснованным, обладает для левых стратегической функцией: в нём, замаскированно, продолжает своё существование ложь, что ненависть к евреям является хотя и не по адресу направленной, но, тем не менее, достойной одобрения социально-революционной энергией, которой необходимо завладеть. Историк Карл Хайнц Рот, автономистский Папа Римский, таким образом, может засвидетельствовать ХАМАС, что «из исламских религиозно окрашенных структур общественной самопомощи и солидарности вполне могли бы развиваться эмансипационные перспективы», если бы только с женщинами не обращались столь патриархально. Не удивительно, что открытый антисемитизм ХАМАС для него не проблема, что его не интересует и явная преэминентность хартии ХАМАС «Про-